

**ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ**

13

**КУРСАНТ
ЦИФЕРИЦЫ**

Курсант Империи

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 13

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Курсант Империи - 13 / Д. Н. Коровников — «Автор»,
2026 — (Курсант Империи)

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты. P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Курсант Империи - 13

Глава 1

Планета Харп-7 не знала милосердия.

Здесь, в звёздной системе «Южный Урал», полярная ночь была не временем года, а состоянием бытия. Подобие дня приходило сюда лишь раз в четыре стандартных года — жалкий, бледный призрак света, когда на окраине системы пролетала комета «Седой Странник», на пару недель разгоняя вечный мрак хвостом из ионизированного газа. Но сейчас за панорамным бронестеклом кабинета царила привычная, абсолютная чернота, нарушаемая лишь мертво-синими сполохами северного сияния да редкими, похожими на волчьи глаза, огнями периметра.

Мафусаил Семёнович Барчук, комендант исправительной колонии особого режима ИК-18 «Полярная Сова», стоял у окна, согревая ладони о тонкий фарфор чашки. Снаружи, за километрами колючей проволоки и сейсмических сенсоров, вздымались ледяные горы. За стеклом выла выюга, заметая следы тех, кто ещё вчера дышал, а сегодня стал просто цифрой в сводке.

«Полярная Сова» официально числилась местом отбывания наказания для особо опасных рецидивистов и пожизненных заключённых. На деле же это была заброшенная имперская рудная шахта, чьи километры штолен и катакомб уходили в самую утробу планеты. Когда-то здесь добывали иридий, но жилы иссякли, а Империя не любила бросать инфраструктуру. Глубина выработок достигала таких отметок, где геотермальное тепло смешивалось с холодом вечной мерзлоты, создавая лабиринты, из которых не было выхода. Идеальное место для тех, кого нужно было заставить забыть самих себя.

На массивном столе из синтетического дуба, среди голографических терминалов, лежал кусок чёрной руды с вкраплениями золота — трофей, напоминающий Барчуку о том, кто здесь настоящий хозяин.

Комендант сделал глоток. Чай был с чабрецом, горячий и крепкий. Мафусаил Семёнович внешне производил впечатление добродушного «папки»: мягкие черты лица, седая шевелюра, уютные морщинки вокруг глаз, кардиган грубой вязки поверх форменной рубахи. Казалось, он вот-вот предложит вам леденец и спросит про успеваемость.

Дверь кабинета бесшумно скользнула в сторону, впустив массивную фигуру.

— Доброе утро, Мафусаил Семёнович, — бас прозвучал так низко, что завибрировал пол.

Это был Лютый. Старший смены, капитан внутренней службы. Огромный, абсолютно лысый, с шеей толще бедра среднего человека, он производил впечатление неодушевлённого предмета, способного свернуть человеку голову, однако, одним поворотом кисти. На его предплечьях белели старые шрамы от плазменных ожогов — как память о бунтах, которые он подавлял, хватаясь за раскалённые стволы.

— Доброе утро, мой дорогой, — ласково отозвался Барчук, не оборачиваясь. — Как прошла ночная смена?

— Штатно, — бас прогудел где-то за спиной. Лютый подошёл ближе, и тяжёлые доски под его весом лишь глухо ухнули. — В третьем блоке шумели зэки с Вендена. Успокоили. Одного неудобного оформили как «мясо». Бывший журналист, всё пытался связи на орбиту пробить, кричал, что у него родственники в польском Сенате.

— Сейме, — поправил своего помощника, Барчук.

— Сейме, — кивнул Лютый. — В общем, по документам — упал в шахтный ствол. Давление на глубине трёх километров само всё сделает, тело искать не имеет смысла.

Мафусаил Семёнович одобрительно хмыкнул, хотя внутри шевельнулось лёгкое раздражение. Журналисты — это всегда риск.

— А с шестого блока? — Комендант повернулся, опускаясь в глубокое кожаное кресло.

— Партия ушла на разгрузочную точку по графику, — отрапортовал Лютый. — Формально блок закрыт на профилактику вентиляции. Никто ничего не видел. Груз упакован в свинцовые контейнеры, маркировка «Радиоактивные отходы». Таможня на переходе даже сканировать не станет. Нужным людям заплатили тройной тариф, они языки проглотили.

Барчук нахмурился, и уютные морщинки на его лице сложились в недовольную гримасу.

— Плохо, Лютый. Плохо. «Мяса» не хватает. Из-за этой вашей экономии мне всё сложнее списывать исчезнувших из шестого блока. В столице, знаешь ли, тоже считать умеют. Если увидят, что у нас смертность выше, чем на урановых рудниках Караима, могут прислать комиссию. А комиссии я не люблю. Они задают вопросы, на которые у нас нет ответов.

Лютый молча кивнул. Он давно сработался с шефом и не задавал лишних вопросов. То, что происходило в шестом блоке и на разгрузочной точке, выходило за рамки любого официального протокола. За болтливость на Харпе-7 полагалась не статья, а короткий полёт в шахтный ствол.

Гигант подошёл к креслу начальника, достал из кармана безупречно выглаженного кителя серебряный гребень и, наклонившись, начал аккуратно причёсывать седые волосы Барчука. Зрелище было сюрреалистичным: звероподобный детина, чьими руками можно было бы гнуть арматуру, сейчас действовал с нежностью потомственного камердинера. Он достал флакончик с дорогим одеколоном и капнул пару капель на воротник рубашки коменданта.

— Аккуратнее на висках, мой дорогой, — пробормотал Барчук, прикрывая глаза от удовольствия. — Там у меня лысина намечается, не тяни.

— Слушаюсь, Мафусаил Семёнович.

Барчук допил чай и поставил чашку на стол. Рутина. Зловещая, пропитанная холодом и кровью рутина, которая кормила его лучше, чем любое имперское жалование. Он уже собирался отдать распоряжение о подготовке утреннего обхода, когда над столом с тихим писком активировался голографический проектор.

В воздухе повисла светящаяся синяя надпись, адресованная лично коменданту по закрытому каналу связи.

«Ожидайте новую партию «мяса». Особый статус. Срок прибытия — семь суток».

Барчук медленно, с хищной улыбкой, потёр ладони.

— Ну что ж, Лютый, — прошептал он в пустоту кабинета. — Кажется, наши молитвы услышаны. Готовь шестой блок.

Четырьмя сутками ранее.

Аэрокар шёл над серыми крышами нижних уровней окраин Новой Москвы-3 в режиме бесшумного крейсера, отрезанный от городского гула толстым слоем бронестекла. Полковник Пётр Александрович Кнутов сидел на заднем сиденье, положив на колено механическую руку и перебирая пальцами. Сервоприводы тихо, почти неслышно пощёлкивали в такт его пульсу — верный признак того, что полковник нервничал, хотя на его изуродованном шрамами лице не дрогнул ни один мускул.

Утро после инцидента в ангаре на космодроме выдалось пасмурным и тяжёлым. Небо над столичной планетой напоминало грязный лист железа. Кнутов думал о вчерашней ночи с тем же чувством, с каким вспоминают удушающий кошмар. Жулебин, его люди, наручники, бунт батальона и отчаянный, безумный блеф рядового Василькова, захватившего рубку управления и связавшегося с флагманским линкором. Если бы не этот мальчишка... Кнутов сжал зубы.

Живой глаз дёрнулся. Он, командир, позволил событиям вчера зайти слишком далеко, а после вёл себя пассивно. Но мальчишка спас их всех. По сути спас от подвалов ИСБ, от трибунала, от расстрела, наконец. Этот мажор с голубыми глазами, как оказалось, ещё и наследник миллиардной корпорации, который предпочёл окопную грязь дворцовым балам, оказался крепче, чем многие ветераны, которых Кнутов видел в деле.

— Прибыли, господин полковник, — голос водителя выдернул его из раздумий.

Аэрокар плавно опустился на площадку. Кнутов выбрался наружу, поправляя ремень. Перед ним возвышалось белоснежное четырёхэтажное здание Адмиралтейства ВКС. Его архитектура давила монументальностью: ни единой лишней линии, только холодный мрамор и устремлённый в серое небо огромный золотой шпиль, пронзающий облака, как игла. Именно здесь распределяли эскадры и, как оказалось, списывали в утиль штрафные батальоны. Для таких, как он, этот шпиль сейчас был не символом имперской славы, а иглой, на которую накалывали расходный материал.

Внутри пахло властью. Адьютант в безупречном мундире молча провёл Кнутова по длинным, гулким коридорам, мимо портретов великих адмиралов прошлого, чьи нарисованные глаза смотрели на однорукого полковника штрафбата с немым высокомерием. Они остановились у тяжёлых дубовых дверей.

Фантомная боль в отсутствующей руке, обычно глухая и терпимая, сейчас отзывалась пульсирующим жаром в плече. Организм помнил вчерашний стресс, помнил запах гари и озона в ангаре, помнил холодные стволы ИСБшников, направленные на его людей. Здесь, в стерильной чистоте Адмиралтейства, этот запах всё ещё чудился Кнутову, перебивая искусственный аромат воска и паркета.

Кнутов шагнул внутрь и мгновенно, по привычке пехотного офицера, оценил расстановку сил.

Просторный кабинет с панорамными окнами. За массивным столом сидели трое адмиралов ВКС — люди, чьи лица Кнутов видел только на закрытых брифингах. От них тянуло запахом элитного табака(земные традиции никто не отменял, несмотря на то, какой век был на дворе и флот давно превратился в космофлот) и старой, укоренившейся власти. Один из них, тучный человек с седыми бакенбардами, брезгливо сморщился, заметив потёртый китель Кнутова и его механическую руку. У окна, заложив руки за спину, стоял генерал-майор Виктор Ли. Компактный, сухой, в безупречной форме, он казался выточенным из тёмного камня.

Присутствие высших чинов Адмиралтейства сразу дало Кнутову понять: разговор предстоит на уровне куда выше его собственного звания. Его сюда не пригласили, а вызвали, как вызывают свидетеля на трибунал.

Ли, заметив вошедшего, коротко кивнул адмиралам:

— Прошу прощения, господа. На одну минуту.

Он отошёл от окна и направился к Кнутову. Его тёмные, непроницаемые глаза смотрели так, словно сканировали полковника на предмет скрытых дефектов.

— Здравствуйте, полковник, — голос генерала был тихим, но в нём звучала та особая сталь, которая заставляет вытягиваться по стойке «смирно» даже ветеранов.

— Здравия желаю.

— Я уже ознакомился с рапортами. И хочу, выразить благодарность рядовому Василькову и его товарищам за инициативу, проявленную вчера в ангаре.

Кнутов не шелохнулся. Только механическая рука сжалась в кулак с тихим треском сервоприводов. Благодарность?! Именно за этим его вызвали?! Тучный адмирал за столом недоумённо приподнял седую бровь, но промолчал.

— Без их решительных действий, — продолжил Ли, не меняя интонации, — директор Имперской Службы Безопасности к утру упёк бы весь ваш батальон в подвалы своего

ведомства. А это, согласитесь, сильно осложнило бы нашу дальнейшую работу. Благодарность оформлена официально, с занесением в личные дела.

Кнутов позволил себе кривую, лишённую веселья усмешку.

— Благодарность с занесением — это, конечно, прекрасно, господин генерал, — глухо произнёс Пётр Александрович, глядя Ли прямо в тёмные глаза. — Только вот Василькову, которого вы уже записали в покойники, и остальным моим штрафникам она вряд ли пригодится.

Воцарилась тишина. Адмиралы за столом прекратили свой шёпот, чувствуя сгустившееся в воздухе напряжение.

Кнутов, хоть и сдерживаясь, в данную минуту всем своим тоном корил генерала за ложь. За обещание, данное ещё на Вендене: отпустить батальон после конвоирования пленных. Обещание, которое генерал, как известно, не сдержал, ловко оправдавшись казуистикой про «окончание операции» и «продолжение миссии». 55-я бригада «Чистильщики» была скальпелем Российской Империи, а 13-ый штрафной батальон полковника Кнутова — одноразовой салфеткой, которой вытирали кровь. В глазах системы они уже были покойниками, списанными в расход. Какая разница, есть ли в их личных делах грамота, если следующее задание станет последним?

Ли едва заметно прищурился.

— Не надо детской обидчивости, полковник, — холодно бросил он. — Вы — действующий офицер. А ваш батальон — армейское подразделение, выполняющее долг перед троном и Отечеством. Это не добровольческий отряд из капризных девиц, которые сами решают: хочу — выполняю приказ, не хочу — полечу домой к маме.

Слова ударили точно в цель. Кнутов стиснул зубы. Пётр Александрович был солдатом. Он привык подчиняться. И, смирившись с тем, что прошлое уже не изменить, он понял: теперь нужно думать только о том, как выжить в этой чёртовой продолжающейся секретной операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.